

свидетельству известного путешественника XVIII в. Гильденштедта, доставлялись в Тбилиси «пшеница и ячмень... из Гори и Сурами...»

Специализация по отдельным отраслям деревообработки происходила в рамках семьи, села или ущелья. «Модгами — супряга» как форма организации труда могла объединять как близких родственников, так и просто односельчан. Молодежь обучалась ремеслу либо в семье, либо на стороне у известных мастеров.

Значительное место уделено в работе классификации орудий труда. При этом делается попытка выяснить происхождение и проследить историю развития отдельных видов их. Удачной представляется аргументация в пользу высказанного ранее другими авторами мнения о генетической связи грузинского топора «метиура» с одним из типов колхидских топоров бронзового века. Интересные и весьма убедительные доказательства, приводимые Г. С. Гаситашвили, если и не позволяют считать вопрос окончательно разрешенным, то, во всяком случае, значительно подкрепляют мнение о существовании такой связи.

В целом очень интересная, написанная со знанием дела работа Г. С. Гаситашвили не лишена и отдельных недостатков. Известно, что в Боржомском ущелье вместе с грузинами в значительном числе живут и осетины, переселившиеся сюда из мест, довольно богатых лесом. О «выделывании деревянных вещей» в Осетии писал еще Вахушти Багратиони. Было бы интересно проследить, что нового, отличного от местных традиций и навыков, принесли с собой в Боржомское ущелье осетины. Гаситашвили ограничивается простым переводом отдельных терминов с грузинского языка на осетинский. Этого, конечно, мало. Боржомское ущелье славилось изготовлением пахотных орудий, но в работе почему-то ничего о них не говорится. Лишь в русском резюме вскользь замечено, что «именно Боржомское ущелье специализировалось на изготовлении пахотных орудий». Кстати, о резюме. Оно очень короткое, и в связи с этим хочется сказать следующее. Грузинская этнографическая школа по праву считается одной из сильнейших в нашей стране. То, что работы грузинских этнографов в подавляющем большинстве печатаются на грузинском языке, само по себе является одним из свидетельств расцвета грузинской социалистической науки. Но надо учитывать, что научная общественность других республик лишена возможности в полной мере знакомиться с достижениями грузинской этнографии и вынуждена судить о них зачастую лишь по резюме. Поэтому было бы желательно делать резюме более пространным.

Возвращаясь к книге Г. С. Гаситашвили, можно с уверенностью сказать, что ее с пользой прочтет каждый, кто интересуется вопросами истории материальной культуры грузинского народа.

Г. Лазарашвили

НАРОДЫ ЕВРОПЫ

Мишо Семјан. *Историја крајшника и кућне задруге у ратној држави*. «Споменик Српске Академије наука», СУШ Одељење друштвених наука, нова серија, 10. Београд, 1960, стр. 1—96.

В югославской специальной литературе подробно изучен вопрос о семейной общине у южных славян, и это вполне естественно, ибо в Черногории, Далмации, да и в других горных районах страны большесемейные отношения сохранялись нетронутыми вплоть до XIX в., давая обильный материал для наблюдений. Задружные порядки, порядки семейной общины не только продолжали существовать, но и были кодифицированы в ряде областей. Именно на черногорском материале и для Черногории В. Богишич создал свой Гражданский кодекс 1888 г. Такую же фиксацию задружных отношений осуществил закон 1807 г., изданный австрийским правительством для северных областей Хорватии и послуживший материалом для одного из первых исследований по истории южнославянской домашней общины, для книги О. Утешеновича «Die Haus-kommunionen der Südslaven».

Закон должен был упорядочить жизнь и повинности крестьян — военных поселенцев в широкой полосе по северному берегу р. Савы; эта полоса была известна на протяжении столетий под названием Военная Граница. Здесь еще с XVI в. начали оседать массы бежавшего от турок населения, здесь эти беженцы приобрели статус пограничников («крайшников»), были поставлены под начало комендантов и генералов и обязаны были нести постоянную военную службу. Но одновременно в этих «генералатах» крестьяне-пограничники были освобождены от ряда феодальных повинностей и сохранили многие установления своего старинного быта, и в том числе прочные задружные связи. Эти порядки подробнейшим образом и фиксировал закон 1807 г. Понятно, что этот памятник и после О. Утешеновича продолжал привлекать внимание

исследователей общинных отношений у южных славян, в том числе и И. Строчала, известного историка хорватского права. И. Строчал был сторонником теории «фискального» происхождения общины, сторонником идеи об искусственном создании домашней общины для выполнения феодальных повинностей; он и происхождение большой семьи на Военной Границе объяснял воздействием венгерских феодалов и нуждами австрийского правительства¹. При этом он ссылаясь на то, что власти в Будапеште и Вене на протяжении столетий поддерживали большесемейные порядки, в частности запрещали дробление задружных земель и, действительно, могло показаться, что именно воля господствующего класса и вызвала к жизни задругу или по крайней мере консервировала ее.

Это мнение стремится опровергнуть сербский историк М. Семян в своей работе «История пограничников и семейной общины в «Всенем государстве». Автор предпосылает своему исследованию краткий обзор точек зрения, существующих в литературе по поводу домашней общины у южных славян и, в частности, общины, нашедшей свое отражение в законе 1807 г. Он приходит к выводу о том, что история большесемейного быта у «краишников» до сих пор неправомерно рассматривалась в отрыве от истории самой Военной Границы. Вот почему М. Семян считает своей первой задачей характеристику истории Границы («Военного государства») в течение трехсот с лишним лет — с середины XV в., со времени первых турецких нашествий, до 1807 г. Тем самым он не только создает широкий исторический фон, на котором развивалась деятельность семейных общин (что было бы важно уже само по себе), он приходит также к заключению, что основное население Военной Границы складывалось за счет тысячных масс переселенцев из Боснии и Сербии, а, следовательно, никогда не жило под властью хорватских и венгерских феодалов и не испытало их влияния, как это утверждают буржуазные историки вместе со Строчалом. Стало быть, нельзя говорить о том, что семейная община на Военной Границе сложилась под воздействием феодального режима, что она явилась порождением феодальных отношений (стр. 19).

М. Семян рисует историю крестьянства в этом крае как сложный и противоречивый процесс, и особенно ценно, на наш взгляд, в его изложении то, что он в качестве стержневой линии общественного развития выделяет цепь классовых столкновений. Обширная глава («Внутренняя борьба и восстания» — стр. 24—48) посвящена характеристике социальных противоречий и антифеодального крестьянского сопротивления. И, закончив эту характеристику, автор использует ее для подтверждения своей ведущей, уже отмеченной выше идеи о том, что задружные порядки никоим образом не были навязаны сверху общинам свободолюбивых и воинственных «границар». «Этот народ, который бурно реагировал на каждую попытку ограничить его права, несомненно реагировал бы, а может быть и поднял бы восстание при попытке со стороны военных властей ввести семейную общину...» (стр. 48).

Мы не будем вдаваться в характеристику связи между семейной общиной и феодальными отношениями на Военной Границе, которую намечает автор, предлагая именовать общественное устройство Границы, когда задруга служила военным нуждам австрийского правительства, «военным феодализмом» (стр. 91). Большесемейные отношения, действительно, способствовали сохранению боеспособных воинских групп и могли быть использованы феодальным государством в своих целях, но для нас сейчас значительно важнее остановиться на внутренней структуре семейной общины. Ее воссоздает М. Семян во второй части своей работы, исследуя один за другим статуты и узаконения венских властей с XVI по XX в. Сравнительное изучение этих памятников дает ему возможность установить основные черты задруги в этой пограничной полосе. Наблюдение над имущественными правами членов семейной общины, над их правами и обязанностями приводит автора к выводу о том, что внутри общины господствуют демократические порядки и отсутствует единовластие главы семьи. В ней нельзя отыскать следов единоличной власти отца, старейшины, домачина; статуты решительно запрещают главе семьи одному, без согласия остальных, распоряжаться имуществом — «Все без различия имеют одинаковые права на недвижимое имущество» (§ 84 закона 1807 г.). Именно поэтому М. Семян отказывается назвать задругу XVI—XVIII вв. «патриархальной семьей»: по его мнению, патриархат (*patria potestas*) был несвойствен этой общине, отличающейся демократическим характером (стр. 89). С подобным выводом нельзя не согласиться, в нем чувствуется стремление отыскать различие между семейной общиной на демократическом этапе ее развития и общиной, оказавшейся под властью отца, и найти для задруги XVI—XVIII вв. соответствующее место в этой классификации. Может быть, М. Семян не формулирует этого различия с той четкостью, с какой это сделано в советской науке, но характерна уже самая попытка отыскать верное решение.

М. Семян не ограничивается этим выводом, определением характера задруги, свои наблюдения он сводит к ряду закономерностей, основных черт семейного права. Он

¹ I. Strohál, Razvitak zadružnog prava u Hrvatskoj i Slavoniji, «Mjesečnik Pravničkog društva», Zagreb, 1907, стр. 1 и сл.

различает обязательные и побочные («акцидентальные», несущественные) черты за- дружной жизни. К первым он относит совместный труд, коллективное обеспечение членов общины и приобретение имущества, ко вторым, побочным — коллективную собственность и ряд второстепенных признаков. Стремясь обосновать это деление, это исключение коллективной собственности из числа основных признаков большой семьи, М. Семьян ссылается на то, что задруги зависимых крестьян-кметов в XVIII—XIX вв. зачастую не имели собственной земли, а трудились на помещичьих землях (стр. 88, прим. 273). Эта мысль автора вызывает известные возражения. Действительно, вряд ли отсутствие юридических прав собственности у кметов дает основания заносить имущественные отношения внутри задруги в разряд второстепенных признаков. Пусть зависимые крестьяне не имеют права собственности на свои наделы, но ведь используют-то они эти земли коллективно! Поэтому, может быть, имущественные права кметов следовало бы именовать не собственностью, поскольку в феодальном обществе зависимый крестьянин лишен этого права, а пользованием, владением², но нужно непременно считать это коллективное владение одним из обязательных, основных признаков задруги.

Среди выводов, которыми заключает М. Семьян реконструкцию задруги, один мне кажется особенно примечательным. Это мысль о том, что в деревне происходил беспрерывный процесс разрастания одних семей и дробления других. Брачная пара разрастается в большую семью, а последняя, разросшись до размеров целого села, могла распаться на большие или малые семьи (стр. 87). Иногда в критической литературе некоторых исследователей упрекают в том, что они недостаточно четко разграничивают малую и большую семью, большую семью и так называемое «братство»³. Но ведь и в самом деле зачастую невозможно провести границу между этими категориями в условиях, когда задруги, разрастаясь, превращаются в патронимии — «братства», а последние сызнова дробятся на отдельные семьи. Поэтому наблюдение М. Семьяна заслуживает несомненного внимания. Вряд ли только его следовало формулировать в столь категорической форме: «Между индивидуальной семьей, большой семьей и селом, состоящим из домашней общины, мы не можем провести ни правовой, ни экономической границы» (стр. 87).

Некоторые статьи закона 1807 г. (§§ 78—84) повествовали о порядке раздела семейной общины. Нам кажется, что автор напрасно опустил их в своей работе, ведь он приводит подряд почти все статьи, касающиеся задруги, а свидетельства о разделе, как правило, отлично иллюстрируют процессы, идущие в недрах большой семьи, в частности, постепенную индивидуализацию производства и потребления в рамках задругного коллектива.

Автор заключает в одной из последних глав, что проделанная им работа позволяет восстановить облик средневековой семейной общины (стр. 86). Мы должны уточнить — семейной общины не всего, а лишь позднего средневековья, но это замечание ни в коей мере не умаляет ценности проделанной автором работы. Известно, что исследователи охотнее всего и подробнее всего изучали общину раннего средневековья — периода создания варварских «правд» и относительной устойчивости родо-племенных отношений. Работа М. Семьяна тем и важна, что она заполняет пробел в наших представлениях о семейной общине позднего средневековья, по крайней мере применительно к истории южнославянских народов.

М. Фрейденберг

² «Непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец» (см. К. Маркс, *Капитал*, т. III, Госполитиздат, 1953, стр. 806).

³ См. критические замечания Н. Клаич по поводу работы О. Мандича «*Vratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj*» — Нови ј радови на друштвено ј проблематици средњовековне Хрватске. «Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине», год X, 1949—1959, Сарајево, 1959, стр. 339.